

УДК 2-67:316.6 (575.3)

Радикализация в Центральной Азии: вызовы и внутренние факторы уязвимости в контексте Таджикистана

д.ф. по философии Рустам Азизи

докторант Института философии,
политологии и права имени А. Баховаддинова
Национальной академии наук Таджикистана
Душанбе, Таджикистан
rustamazizi1986@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0003-8178-5902>

Дата подачи статьи в редакцию: 29.04.2025

Дата подтверждения статьи к публикации: 10.06.2025

Резюме

Настоящая статья посвящена всестороннему анализу процесса радикализации в Республике Таджикистан с учётом внутренних социально-экономических факторов и внешних геополитических вызовов. В работе выявлены ключевые факторы уязвимости: бедность, безработица, кризис идентичности, трудовая миграция, социальная несправедливость и слабость традиционных институтов. Особое внимание уделено роли миграционных процессов, транснациональных террористических сетей и влиянию нестабильности в Афганистане. Автор рассматривает вовлечённость таджикских граждан в международные террористические акты, а также влияние массовых депортаций мигрантов на внутреннюю ситуацию. Проанализированы современные модели понимания радикализации, включая лестницу радикализации Могаддама, стратегию PREVENT и концепцию CVE, с акцентом на их применимость в таджикском контексте. Установлено, что механическое заимствование международных практик без адаптации к местной специфике малоэффективно. В статье предложены прак-

тические рекомендации по развитию локальных профилактических стратегий, включая создание эффективных контрнарративов, развитие гражданского общества, поддержку молодежных инициатив и формирование системы раннего предупреждения радикализации. Подчеркивается необходимость комплексного подхода к профилактике, интеграции усилий государства и общества, укрепления позитивной идентичности и повышения устойчивости локальных сообществ. Научная новизна исследования заключается в системном анализе локальных и глобальных факторов радикализации и разработке рекомендаций по укреплению социальной устойчивости в условиях меняющейся глобальной контртеррористической повестки. Работа вносит вклад в развитие научного дискурса по социологии религии, профилактике экстремизма и социальной безопасности Центральной Азии.

Ключевые слова: *Социология религии, радикализация, экстремизм, Таджикистан, трудовая миграция, социальная устойчивость, идентичность, профилактика экстремизма.*

Авторские права на статьи, опубликованные в нашем журнале, принадлежат авторам и публикуются в открытом доступе по лицензии CC-BY-NC.

Mərkəzi Asiyada radikallaşma: Tacikistan nümunəsində çağırışlar və daxili təhlükəsizlik məsələləri

f.f.d. Rüstəm Əzizi

Tacikistan Milli Elmlər Akademiyası
A.Bahovaddinov adına Fəlsəfə,
Siyasi Elmlər və Hüquq İnstitutunun doktorantı
Düşənbə, Tacikistan
rustamazizi1986@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0003-8178-5902>

Daxilolma tarixi: 29.04.2025

Nəşrə təsdiq tarixi: 10.06.2025

Xülasə

Məqalədə Tacikistan Respublikasında radikallaşma prosesi daxili sosial-iqtisadi amillər və xarici geosiyasi çağırışlar nəzərə alınmaqla hərtərəfli təhlil edilmişdir. Araşdırmanın əsas mövzusunun təhlükəsizlik amilləri təşkil edir: yoxsulluq, işsizlik, şəxsiyyət böhranı, əmək miqrasiyası, sosial ədalətsizlik və ənənəvi institutların zəifliyi. Yazıda xüsusi diqqət isə miqrasiya proseslərinə, transmilli terror şəbəkələrinin roluna və Əfqanıstanda hökm sürən qeyri-sabitliyə yönəlib.

Müəllif, həmçinin Tacikistan vətəndaşlarının beynəlxalq terror aktlarına cəlb olunmalarını, miqrantların kütləvi deportasiyalarının ölkədaxili vəziyyətə təsirini araşdırır. Müasir radikallaşmanın anlayış modelləri, o cümlədən Mogaddam radikal nərdivanı, PREVENT strategiyası və CVE konsepsiyası, onların tətbiqi vurğulanmaqla, Tacikistan kontekstində təhlil edilib.

Beynəlxalq təcrübənin yerli xüsusiyyətlərə uyğunlaşmadan mexaniki şəkildə götürülməsinin səmərəsizliyi yazıda müəyyən edilmişdir. Məqalədə effektiv əks-narrativlərin yaradılması, vətəndaş cəmiyyətinin inkişafı, gənclərin təşəbbüslərinin dəstəklənməsi və radikallaşmaya qarşı erkən xəbərdarlıq sisteminin formalaşdırılması daxil olmaqla, yerli profilaktik strategiyaların inkişafı ilə bağlı praktiki tövsiyələr təklif olunur. Araşdırmada, həmçinin dövlət və cəmiyyətin səylərinin inteqrasiyası, müsbət identikliyin gücləndirilməsi və yerli icmaların dayanıqlılığının artırılması üçün kompleks yanaşmanın zəruriliyi vurğulanır. Tədqiqatın elmi yeniliyi radikallaşmanın yerli və global amillərinin

sistemli təhlilində və dəyişən qlobal antiterror gündəmi şəraitində sosial dayanıqlılığın gücləndirilməsi üçün tövsiyələrin hazırlanmasındadır.

Tədqiqat işi Mərkəzi Asiyada din sosiologiyası, ekstremizmin qarşısının alınması və sosial təhlükəsizlik üzrə elmi diskursun inkişafına töhfə verir.

Açar sözlər: *din sosiologiyası, radikallaşma, ekstremizm, Tacikistan, əmək miqrasiyası, sosial dayanıqlılıq, identiklik, ekstremizmin qarşısının alınması.*

Jurnalımızda dərc olunan məqalələrin müəllif hüquqları müəlliflərə məxsusdur və onlar CC-BY-NC lisenziyası ilə hər kəsə açıq şəkildə dərc olunur.

Radicalization in Central Asia: Challenges and Internal Vulnerabilities in the Context of Tajikistan

PhD in Philosophical Sciences Rustam Azizi

Doctoral Researcher at the Institute of Philosophy,
Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov,
National Academy of Sciences of Tajikistan

Dushanbe, Tajikistan

rustamazizi1986@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0003-8178-5902>

Date of submission: 29.04.2025

Date of acceptance: 10.06.2025

Abstract

This article provides a comprehensive analysis of the radicalization process in the Republic of Tajikistan, emphasizing the interplay between internal socio-economic factors and external geopolitical challenges. Key vulnerability factors are identified, including poverty, unemployment, identity crises, labor migration, social injustice, and the weakness of traditional institutions. Special focus is given to the role of migration processes, the activities of transnational terrorist networks, and the impact of instability in Afghanistan. The author examines the involvement of Tajik citizens in international terrorist activities and the impact of mass migrant

deportations on the internal situation. The article looks at modern ideas about understanding radicalization, like Moghaddam's staircase, the PREVENT strategy, and the CVE concept, focusing on how well they can be used in Tajikistan. We conclude that adopting international practices without cultural adaptation proves insufficient. Practical recommendations for the development of local prevention strategies, including the creation of effective counter-narratives, strengthening of civil society, support for youth initiatives, and the formation of an early warning system for radicalization, are proposed in the article. The study stresses the importance of a comprehensive approach to prevention, integrating state and societal efforts, fostering positive identity, and enhancing the resilience of local communities. The scientific contribution of the research lies in its systemic analysis of both local and global factors of radicalization and the development of recommendations to bolster social resilience in a rapidly changing global counterterrorism landscape. The article makes a significant contribution to the development of scientific discourse on the sociology of religion, prevention of extremism, and social security in Central Asia.

Keywords: *Sociology of Religion, Radicalization, Extremism, Tajikistan, Labor Migration, Social Resilience, Identity, Prevention of Extremism.*

The copyright of the articles published in our journal belongs to the authors and is published as open access under CC-BY-NC license.

Введение

Говоря об актуальности проблемы, следует отметить, что страны Центральной Азии, включая Таджикистан, в последние годы столкнулись с возрастающей угрозой радикализации ведущей терроризму. Таджикистан уязвим в силу комплекса факторов: социально-экономического положения, наследия гражданской войны, трудовой миграции и непосредственной близости к неспокойному Афганистану (World Bank, 2019/2020).

Опыт Таджикистана в борьбе с экстремизмом, терроризмом и радикализацией восходит к гражданской войне (1992-1997), когда отмечался подъемом исламистских оппозиционных сил. Даже

после постконфликтного восстановления страны и политической стабилизации угрозы экстремизма все еще актуальны, особенно после того, как в 2010-х годах сформировались такие группы, как Исламское государство. Экстремистские группы пользуются социально-экономическими трудностями, с которыми сталкиваются граждане Таджикистана, особенно рабочие-мигранты, которые сталкиваются с радикальной вербовкой. Это требует целенаправленных стратегий, которые направлены как на проявления, так и на коренные причины экстремизма.

После активизации экстремистских группировок на Ближнем Востоке в 2010-х годах сотни граждан Таджикистана присоединились к ним. По официальным данным, около 1900 таджикских граждан (включая ~575 женщин и детей) выезжали в зоны конфликта в Сирии и Ираке и вступили в ряды террористических группировок. Определенная часть из них радикализовалась в трудовой миграции. Хотя это лишь небольшая доля от общего числа трудовых мигрантов, сам факт участия указывает на серьезность проблемы. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон в 2024 году отмечал, что за последние три года 24 гражданина Таджикистана совершили террористические акты в десяти разных странах мира (Рахмон, 2024а). В ответ на эту угрозу Таджикистан разработал и внедрил широкомасштабные национальные стратегии, в том числе Национальную стратегию по противодействию экстремизму и терроризму на 2016–2020 годы, за которой последовала еще одна на 2021–2025 годы (Азизи, 2024, 81-87). Однако, остается значительный пробел в понимании факторов, способствующих уязвимости сообщества к экстремизму. Последние тенденции продемонстрировали, что радикализация наших граждан может иметь последствия далеко за пределами страны, затрагивая безопасность регионального и глобального масштаба.

Геополитические факторы (Афганистан, ИГ-Х, «Техрик Талибан Таджикистан»). Победа движения Талибан в Афганистане в августе 2021 года и активизация филиала «Исламского государства» в регионе (Исламское Государство провинции Хорасан, ИГ-Х) сформировали новые риски. Южная граница Таджикистана (длиной 1344,15 км) непосредственно примыкает к афганским провинциям, где отмечено скопление боевиков ИГ-Х и других

групп. Власти Таджикистана и Афганистана неоднократно сообщали о росте числа бойцов ИГ на севере Афганистана – фактически о стратегическом перенаправлении джихадистской активности из Сирии и Ирака в регион Центральной Азии. Одной из наиболее тревожных угроз стало появление террористической группировки «Джамаат Ансаруллах» (известной также как «Таджикский Талибан» или «Техрик-е Талибан Таджикистан», ТТТ) – военизированного формирования, состоящего из уроженцев Таджикистана, базирующегося на северо-востоке Афганистана, которое открыто заявляет о намерении свергнуть светское правительство в Душанбе и установить радикальный режим. Истоки этой группы восходят к отколовшимся исламистским отрядам периода гражданской войны, не признавшим мирные соглашения 1997 года. После прихода талибов к власти бойцы ТТТ укрепили позиции в приграничных афганских районах. Например, в июле 2021 года Талибаном было доверено им обеспечение безопасности в некоторых районах (Нусай и т.д.) афганского Бадахшана (Tobin, Roggio, 2022). Правительство Таджикистана на тот момент открыто выразило обеспокоенность ситуацией в Афганистане: Душанбе отказался признавать правление Талибана и призвал к формированию инклюзивного правительства, опасаясь экспорта экстремизма. Однако, последние два года не наблюдается открытых и однозначных заявлений, что может быть расценено как стратегическое молчание. Таким образом, нестабильность в Афганистане и присутствие там таджикских джихадистских групп выступают мощным внешним фактором радикализации и угрозы терроризма для Таджикистана.

1. Недавние теракты с участием граждан Таджикистана за рубежом (Россия, Иран, Турция).

За последние 3 года граждане Таджикистана оказались причастны к ряду резонансных террористических инцидентов за пределами страны, что привлекло внимание к проблеме трансграничной радикализации таджикских мигрантов и боевиков:

Россия. 22 марта 2024 года произошёл террористический акт – группа вооружённых лиц совершила нападение на концертно-выставочный комплекс «Крокус Сити Холл» во время концерта,

устроив стрельбу и поджог здания. Погибли не менее 60 человек (по некоторым данным – свыше 140), более 180 получили ранения. Ответственность, через свой филиал ИГ-Х, взяла на себя организация «Исламское государство». Этот случай – самый кровавый теракт в России за последние два десятилетия – вызвал огромный резонанс и привёл к всплеску ксенофобских настроений в отношении мигрантов из стран Центральной Азии в РФ. Власти России ужесточили миграционные проверки и депортации, фактически приравнявая угрозу ИГ-Х к сообществу трудовых мигрантов из Центральной Азии (Ayzirek, Sorvyonkov, 2024).

Иран. В Исламской Республике Иран в 2022–2023 годах произошла серия нападений, в которых также прослеживается «центральноазиатский след». 26 октября 2022 года боевик ИГ расстрелял посетителей шиитского мавзолея Шах-Чераг в Ширазе, убив 13 человек и ранив около 40. Иранские власти заявили, что нападавший был выходцем из Таджикистана. Спустя менее года, 13 августа 2023 года, аналогичное нападение на тот же шиитский храм унесло жизнь ещё одного человека; сообщалось об аресте группы иностранных граждан (предположительно, выходцев из Центральной Азии) по подозрению в подготовке атаки. Наконец, 3 января 2024 года в городе Керман (во время церемонии у гробницы генерала Касема Сулеймани) произошёл двойной теракт-самоубийство, жертвами которого стали 91 человек. Перехваты переговоров подтвердили, что атака организована ИГ-Х. Впоследствии Министерство разведки Ирана раскрыло, что один из террористов-смертников являлся гражданином Таджикистана (Webber, Smith, 2024). Эти эпизоды указывают на рост вовлечённости выходцев из Центральной Азии (включая таджиков) в деятельность ИГ-Х и свидетельствуют об интернационализации угрозы со стороны этого крыла ИГ.

Турция. В Турции таджикские экстремисты фигурировали, главным образом, в разоблачённых террористических ячейках ИГ. Турецкие спецслужбы не раз задерживали граждан Таджикистана, связанных с ИГ-Х, на своей территории. Так, в июле 2022 года в Стамбуле был арестован Шамиль Хукуматов – уроженец Таджикистана и высокопоставленный эмиссар ИГ-Х, отвечавший за сбор средств и вербовку; по данным властей, он также планировал теракты против правительства Таджикистана. В июле 2023 года

турецкие правоохранители ликвидировали ещё одну ячейку ИГ-Х, возглавляемую таджиком, которая готовила насильственные акции против христианских объектов (церквей), а также против консульств Швеции и Нидерландов в Турции (Webber, Smith, 2024). Хотя масштабных терактов в Турции с участием таджиков не зафиксировано, наличие радикальных мигрантских сетей из Центральной Азии на турецкой территории демонстрирует глобальный размах проблемы.

Таким образом, граждане Таджикистана оказались вовлечены в террористическую активность в разных странах – от России до Ближнего Востока. Это подрывает имидж таджикских трудовых мигрантов, вызывает обеспокоенность властей (как таджикских, так и иностранных) и подчёркивает необходимость системной работы по профилактике радикализации, в том числе среди диаспоры.

2. Влияние массовых депортаций мигрантов на социально-экономическую обстановку. Россия — ключевой экономический партнёр Таджикистана: до миллиона граждан трудится там, а их переводы составляют значительную долю ВВП. После мартовского теракта 2024 г. в Москве отношение к мигрантам резко ухудшилось: началась волна рейдов, проверок и депортаций. В январе—июне 2024 г. из РФ выслали свыше 17 000 граждан Таджикистана; всего же за это время было депортировано около 100 000 мигрантов, что на 50 % превышает показатель первой половины 2023 г. Опасаясь ксенофобии и новых ограничений, многие уехали досрочно, из-за чего трудовая эмиграция таджикстанцев сократилась на 16 % (392 000 против 467 000 годом ранее) (Ayzirek, Sorvyonkov, 2024). Таджикские власти и эксперты предупреждают, что экономический спад из-за возврата мигрантов может стать почвой для экстремистской вербовки: унижение и обида депортированных питают запрос на “возмездие” и “социальную справедливость”.

По совокупности факторов – транснационального участия граждан в терактах, внешнего давления афганско-сирийских геополитических вызовов и внутренних социально-экономических стрессов – проблема противодействия радикализации в Таджики-

стане в последние 5–10 лет стала как никогда острой и актуальной для национальной и региональной безопасности.

Методология анализа и понимания механизмов радикализации является основой профилактики экстремизма и терроризма. Среди ведущих международных подходов выделяются психологическая модель «лестницы Могаддама», британская стратегия PREVENT и концепция противодействия насильственному экстремизму (CVE), которые с разной степенью успеха могут быть применены в контексте региона ЦА.

Модель «лестницы Могаддама» описывает радикализацию как ступенчатый процесс: от массового недовольства социальными проблемами (бедность, безработица) через оправдание агрессии и принятие экстремистской идеологии до окончательной готовности к насилию (Moghaddam, 2005, 161-169). Достоинство модели Могаддама – универсальность психологического объяснения: она применима к разным ситуациям, показывая, что ключевым триггером является восприятие несправедливости и отсутствие легитимных «лифтов» социального продвижения. Для Таджикистана идея первой ступени очень релевантна: бедность, безработица, коррупция и ощущение незащищённости могут создавать базу для недовольства. Как отмечал сам президент Рахмон, *«Нищета и бедность, безработица, низкий уровень грамотности и социальной защищённости населения относятся к числу тех факторов, которые подталкивают людей повернуться лицом к идеям насилия в поисках социальной справедливости»* (Рахмон, 2024б). Преимуществом подхода является акцент на психологической динамике, однако модель не учитывает внешние факторы, такие как влияние вербовщиков и социальных сетей. Для Таджикистана эта модель полезна пониманием начальной стадии радикализации, но нуждается в дополнении анализа миграционного фактора и внешней пропаганды.

Британская программа PREVENT направлена на раннее выявление и поддержку уязвимых к радикализации лиц через образовательные и социальные меры с участием местных сообществ и религиозных лидеров. Несмотря на критику за потенциальную стигматизацию и нарушение прав, опыт Великобритании показывает эффективность подхода общественного партнёрства. В Та-

джикистане, где существует значительное недоверие к силовым органам, успешная адаптация PREVENT потребует баланса между профилактическими мерами и защитой прав человека.

Концепция CVE предусматривает комплексные меры: межконфессиональный диалог, образовательные программы, борьбу с экстремистской пропагандой и поддержку групп риска (молодёжь, женщины, мигранты). Элементы CVE уже применяются в таджикской Национальной стратегии (2021–2025) (План действий, 2021), однако внедрение сталкивается с ограниченностью ресурсов гражданского общества и трудностями оценки эффективности мероприятий.

Несмотря на достоинства этих методов, для их реализации в Таджикистане необходимо проведение дополнительных исследований и адаптация методик с учётом местных особенностей (например, трудовая миграция и социальные сети).

Таким образом, хотя международные модели радикализации дают полезные инструменты для профилактики экстремизма, их применение в Таджикистане требует значительной адаптации с учётом локальных условий и факторов, таких как миграция, низкий уровень доверия к государству и недостаточно развитое гражданское общество.

3. Внутренние и внешние факторы уязвимости к радикализации в Таджикистане

С первых дней независимости Таджикистан сталкивался с серьёзной угрозой экстремизма и терроризма. Пережив тяжёлую гражданскую войну с заметной ролью религиозно мотивированной оппозиции, страна до сих пор ощущает влияние внутренних и внешних факторов радикализации. Для эффективного противодействия этим угрозам необходимо детально разграничить их источники и механизмы воздействия, а также выявить и укрепить факторы социальной и политической устойчивости.

Радикализация всегда является результатом взаимодействия экономических, социальных, психологических и идеологических причин (Подробно см. Азизи, Карыбаева и др., 2022, 97). В таджикском контексте можно выделить ряд ключевых факторов риска, которые повышают восприимчивость населения к экстре-

мистским идеям и насильственным действиям, что подтверждается имеющимися исследованиями и экспертными оценками.

3.1. Экономические факторы. Материальные условия жизни тесно связаны с социальными и психологическими аспектами, но заслуживают особого упоминания:

Бедность и безработица. Таджикистан – одна из экономически уязвимых стран региона с сильной зависимостью от миграции. Несмотря на заявляемые на официальном уровне достижения и изменения, в стране все еще ощущается нехватка рабочих мест, а рост рынка труда не успевает за ростом населения. Как указывается в исследовании Всемирного Банка, **массовый отток трудовых мигрантов** – это симптом нехватки рабочих мест дома. Исследования показывают, что сами по себе нищета и безработица не делают человека экстремистом – подавляющее большинство бедных не прибегает к насилию. Однако сочетание этих факторов с идеологическим влиянием может «катализировать уязвимость» в поддержку насилия (World Bank, 2019/2020, 36). Однако, следует отметить, что экономическая детерминанта не является единственной причиной, поскольку отмечены кейсы радикализации и вовлечение в экстремизм людей со средним и выше экономическим положением. Существует устойчивый стереотип, что радикализация преимущественно происходит за рубежом, особенно в контексте трудовой миграции. Такая интерпретация фактически снижает предполагаемую ответственность должностных лиц местных органов власти, поскольку подразумевает, что радикализация является внешним явлением, а не внутренней проблемой. Тем не менее, случаи радикализации были задокументированы в Таджикистане, а если рассмотреть вербовочную деятельность ИГИЛ в период его активности на Ближнем Востоке, то очевидно, что некоторые граждане Таджикистана были радикализированы и завербованы внутри самой страны. Учитывая наличие и влияние радикальной пропаганды в социальных сетях, риск внутренней радикализации и последующего участия в вооруженных конфликтах за рубежом остается высоким.

Образование и занятость. Экономический фактор включает не только уровень доходов, но и доступ к качественному образованию и социальным лифтам. В условиях, где молодёжь не видит возможности реализовать себя, формируется поколение разоча-

рованных. В некоторых сёлах республики выбор ограничен армией или миграцией, что подрывает веру в легитимные пути успеха. Как подчёркивают исследования, ощущение безысходности и разочарование усиливают восприимчивость к экстремистской пропаганде. (World Bank, 2019/2020, 37). Социально устроенная и занятая молодёжь реже поддаётся радикализации. Поэтому доступное и качественное образование, а также поддержка молодёжного предпринимательства — не только экономические приоритеты, но и важные меры профилактики экстремизма.

3.2. Социальные факторы. Сюда относятся условия и процессы в обществе, которые могут способствовать отчуждению людей и поиску ими радикальных решений. В Таджикистане важны:

Низкий уровень доверия к местной власти и социальная несправедливость.

Недовольство работой местных органов власти (джамоатов) в городах и селах связано с нерешёнными жалобами, несправедливым распределением помощи и грубым отношением к уязвимым группам. Это формирует у молодых мужчин из неблагополучных семей ощущение заброшенности государством. Исследования указывают, что подобные обиды могут толкать людей к экстремизму как альтернативе: «власть коррумпирована, справедливости нет — но религия/джихад восстановит порядок») (World Bank, 2019/2020, 36).

Слабость социальных лифтов и маргинализация молодежи. Демографически Таджикистан — очень молодая страна (население растёт ~2,2% в год. Ежегодно десятки тысяч выпускников школ не могут поступить в вузы или найти работу и пополняют ряды молодёжи вне учебы и работы. По данным исследований, **скука, безделье и отсутствие перспектив** у таких юношей вызывают фрустрацию: они чувствуют себя бесполезными, обманутыми ожиданиями. В фокус-группах молодые люди признавались, что «у них много проблем, они крадут, злятся, потому что нет работы» (World Bank, 2019/2020, 34-37). Такие настроения — питательная среда для экстремистов, которые предлагают «значимую цель» и ощущение братства. Общество, не предоставив-

шее мирных самореализаций, рискует, что часть молодёжи уйдёт в нелегальные движения.

Наследие гражданской войны 1992–1997 гг., в ходе которой часть бывших командиров временно вошла во власть, но затем была маргинализирована, сохраняет актуальность. Их потомки и сторонники в регионах (ГБАО, Раштская долина) поддерживают обиды, что объясняет волнения 2010–2012 и 2018–2021 гг., уходящие корнями в послевоенные противоречия (Лемон, 2018).

3.3. Психологические факторы. Индивидуальные черты личности и пережитый опыт влияют на восприимчивость к радикальной пропаганде:

Трансформация идентичности сыграла ключевую роль в процессе радикализации. Исследования радикализации в Таджикистане за последние три десятилетия выявили значительные изменения в идентичности. Молодые люди в переходных обществах часто испытывают **кризис идентичности** – старые советские ценности разрушены, новые национальные идеалы расплывчаты, социальные роли неочевидны. Радикальные группы дают сильное чувство принадлежности («умма», братство моджахедов) и личной значимости («ты – воин Аллаха»). Для молодого человека, не нашедшего себя, привлечение идеей всемирной исламской миссии может восполнить психологическую пустоту. Особенно это касается тех, кто ощущает **разрыв поколений**. Это порождает внутренний конфликт, который радикальные проповедники умело эксплуатируют, предлагая «истинный путь» и новое сообщество единомышленников.

Травмы и месть. Люди, подвергшиеся насилию, унижению или потерявшие близких, могут испытывать сильную жажду мести. Пример – случай в Казахстане: Руслан Кулекбаев, убивший в 2016 году 3 полицейских в Алматы, заявил, что мстил силовикам за пытки в тюрьме и унижения его веры (Лемон, 2018). Личные психологические травмы – будь то пережитая несправедливость от чиновника, жестокость милиции, издевательства сверстников – могут радикализовать, особенно если экстремистская идеология предлагает «справедливое возмездие».

Влияние авторитетов и связь с группой. Психологически человек склонен перенимать убеждения референтной группы. Если авторитет (религиозный учитель, старший товарищ) придержи-

вается радикальных взглядов, молодые последователи высока вероятность пойдут за ним. В таджикской диаспоре известны случаи, когда неформальные лидеры землячеств в России становились проводниками экстремизма. Кроме того, семейные связи влияют: есть женщины, последовавшие за радикализовавшимися мужьями в Сирию из чувства долга или страха потерять семью (World Bank, 2019/2020, 36). Фактор семьи двоякий: крепкая благополучная семья – защитный барьер, а семейная драма (развод, насилие дома – фактор риска, толкающий искать «новую семью» в экстремистской группе.

3.4. Идеологические факторы. Это собственно содержание радикальной пропаганды и наличие инфраструктуры его распространения:

Экстремистская идеология и пропаганда. Большинство населения Таджикистана — сунниты ханафитского мазхаба, однако с 2000-х годов распространяются нетрадиционные и радикальные течения привнесенные обучавшимися зарубежом студентами религиозных школ и вузов, мигрантами и интернетом. Пропаганда ИГИЛ на русском, таджикском и узбекском языках, а также примеры как переход командира ОМОНа Гулмурода Халимова в ИГИЛ, усилили романтизацию джихада. Исследования подчеркивают: активность вербовщиков и локальные «точки радикализации» превращают пассивное недовольство в готовность к действию (World Bank, 2019/2020, 39). В Таджикистане такие «точки» включали некоторые мечети (до усиления контроля), частные кружки изучения ислама, тюремные сообщества (много случаев радикализации осуждённых во время отбывания срока).

Интернет и социальные сети. Экстремисты используют соцсети для продвижения нарратива о «неисламском» характере власти в Таджикистане, что усугубляется поддержкой геополитических акторов (например, ИГ-Х). Цифровизация, включая мобильный интернет в отдаленных районах, позволяет вербовщикам анонимно вовлекать молодежь через мессенджеры, предлагая идеи «чистого ислама» или материальную помощь. Блокировка экстремистских сайтов малоэффективна из-за использования VPN и Telegram. Подростки радикализуются скрытно, минуя традиционные институты (мечети, семья). По данным экспертов, некото-

рые из осужденных боевиков прошли онлайн-идеологизацию до личного контакта с вербовщиками (World Bank, 2019/2020, 64). Все ещё существует всеобщая уязвимость к радикальной пропаганде среди граждан Таджикистана и других стран Центральной Азии.

Общие характеристики радикальной пропаганды можно наблюдать во всем регионе. Нарративы, распространяемые радикальными группами, играют решающую роль в этом процессе. Анализ этих нарративов показывает, что они сосредоточены на дискредитации существующего светского правительства, приписывая общественные проблемы и трудности отсутствию законов шариата. Тем самым они подавляют законный протестный потенциал, перенаправляя его против властей и тех, кто отвергает идею правительства, основанного на шариате. Эта стратегия особенно актуальна в контексте соседнего Афганистана, контролируемого талибами, где дискредитация светских ценностей и содействие трансформации идентичности — особенно религиозной идентичности — повышают восприимчивость к радикальной идеологии.

Чтобы смягчить эти внутренние риски, необходимо улучшить методы предотвращения распространения радикальной идеологии, разработать альтернативные нарративы и рассмотреть влияние социальных сетей. Эти три элемента имеют решающее значение для укрепления сопротивления страны радикальным идеологиям.

Отсутствие эффективного контрдискурса. До недавнего времени в Таджикистане отсутствовала позитивная идеологическая альтернатива для молодежи: светские ценности ослабли после распада СССР, а религиозное образование ограничено. Идеологический вакуум заполняют коммерциализированная культура или экстремизм. Традиционные религиозные лидеры часто не способны конкурировать с радикальными нарративами, что создает дисбаланс: экстремисты предлагают четкие цели, а государство/общество — слабый контрдискурс

5. Факторы безопасности. Под этой категорией имеются в виду специфические риски и бреши в системе безопасности, позволяющие экстремизму распространяться:

Пенитенциарная система. Переполненные колонии и тюрьмы, где вместе содержатся различные правонарушители, оказа-

лись местом распространения радикальных идей. В 2018 и 2019 годах в таджикских тюрьмах произошли крупные бунты заключённых-исламистов в худжандской колонии строго режима (Asia-Plus, 2018) и в Вахдатской колонии (Asia-Plus, 2019) – их организовали сторонники ИГ, что само по себе говорит о высокой концентрации радикалов внутри системы. Выжившие после подавления бунтов радикальные лидеры могут продолжать вербовку среди сокамерников. Отсутствие продуманных программ дерадикализации заключённых ведёт к тому, что при освобождении они выходят ещё более ожесточёнными и с обширными экстремистскими связями.

Контроль границ и деятельность спецслужб. Длительная и труднодоступная граница с Афганистаном – ахиллесова пята. Случались случаи проникновения вооружённых групп через границу: так, в мае 2022 года около 20 боевиков ИГИЛ пытались прорваться из Афганистана, завязав бой на таджикской территории (Webber, Smith, 2024). Силловые структуры Таджикистана испытывают сложности в мониторинге горных и удаленных районов, где могут скрываться экстремисты, включая «спящие ячейки» ИГ. Неэффективный сбор разведанных или чрезмерно жесткие действия правоохранителей рискуют усилить радикализацию, пополняя ряды подполья.

4. Внешние факторы уязвимости

4.1. Глобальные политические изменения и конфликты на религиозно-культурной основе усилили мировую нестабильность. Вооруженные противостояния создают кризисные регионы, где религиозная идентичность становится инструментом мобилизации. В последнее время эти конфликты приобрели международный масштаб, вовлекая участников из разных стран, как это видно на примере ИГИЛ в Сирии и Ираке или талибов в Афганистане. Это повышает риск присоединения граждан Таджикистана к транснациональным экстремистским группам.

4.2. Маргинализация мигрантов. Ежегодно около 600–800 тыс. таджикстанцев работают за рубежом, преимущественно в России. Там они нередко сталкиваются с дискриминацией, плохими условиями, полицейскими преследованиями. Как отмечалось ранее, после теракта 2024 года давление на таджикских мигран-

тов в РФ выросло: участились обыски, задержания на улицах, случаи поборов (Auzirek, Sorvyonkov, 2024). Такие обстоятельства толкают часть диаспоры в «тень», в замкнутые сообщества, где легче распространяются радикальные идеи. Вербовщики ИГ-Х целенаправленно искали рекрутов среди мигрантов в России, Турции, других странах, пользуясь их уязвимым положением. (Тихие атаки ИГИЛ, 2024) Таджикские власти признают, что значительное число граждан радикализовались именно в период миграции. Социальная изоляция за рубежом, чувство чуждости и пережитая там несправедливость могут стать мощными драйверами радикализации.

4.3. Влияние соседнего Афганистана. Соседство с Афганистаном, где у власти находится Талибан, усиливает уязвимость Таджикистана. Присутствие ИГ-Хорасан и других террористических групп, а также их стремление экспортировать идеологию, угрожает региону. Культурно-языковая близость (общий персидский язык) облегчает влияние афганской пропаганды через СМИ и соцсети. Проталибский контент дискредитирует светское правительство Таджикистана, а успех вооруженного захвата власти в Афганистане вдохновляет радикальные группы на повторение подобного сценария.

4.4. Глобальные конфликты и участие в них таджиков. Участие граждан Таджикистана в международных конфликтах повышает риск возврата радикализованных лиц. Несмотря на окончание гражданской войны, вербовка в экстремистские группы продолжалась: в 1990–2000-х годах «Хизб-ут-Тахрир» и ИДУ привлекали молодежь, а движение «Ансаруллах» организовало теракт в 2010 г. Рост ИГИЛ усилил вовлеченность таджикстанцев в операции на Ближнем Востоке. Эти тенденции подтверждают высокий риск радикализации внутри страны и участия в транснациональном экстремизме.

4.5. Инструментальное использование таджиков экстремистскими группами еще больше усугубляет внешнюю уязвимость. В последние годы наблюдается тревожная тенденция использования таджиков для совершения террористических атак, особенно ИГ-Хорасан. Президент Эмомали Рахмон в своем выступлении перед общественностью и религиозными лидерами 9 марта 2024 года подчеркнул, что «за последние три года 24 наших

гражданина совершили террористические акты в 10 странах мира, в том числе путем взрывов в многолюдных местах» (Рахмон, 2024а). Граждане Таджикистана были замешаны в двух смертоносных террористических актах в Иране и нападении на церковь в Турции. Арест и обвинение граждан Таджикистана после нападения на Крокус-Сити в России еще больше усугубили ситуацию, представив значительные проблемы для международного имиджа страны (The Daily Telegraph, 2024). Частая зависимость ИГ-Хорасан от таджиков для своих операций создает существенные риски для Таджикистана, дискредитируя национальную политику, в том числе направленную на противодействие экстремизму и терроризму. Таким образом, использование граждан Таджикистана в качестве исполнителей террористических актов представляет собой риск и вызов внешней политике страны и влияет на восприятие ее граждан за рубежом (Republic.ru, 2024).

Заключение

Радикализация в Республике Таджикистан является следствием сложного взаимодействия внутренних социально-экономических и внешних геополитических факторов. Проведенный анализ позволил установить, что факторы бедности, социальной маргинализации, кризиса идентичности и ослабления традиционных институтов сочетаются с влиянием транснациональных экстремистских сетей, нестабильности в Афганистане и глобальных миграционных процессов. Критическая апробация международных моделей профилактики радикализации выявила их ограниченную применимость без существенной локализации на уровне культурных и институциональных реалий Таджикистана.

Противодействие радикализации в Таджикистане должно базироваться на комплексном подходе, включающем развитие социальной устойчивости, укрепление позитивных идентичностей и создание эффективных механизмов раннего предупреждения. В условиях смены глобальных контртеррористических нарративов становится очевидной необходимость формирования национальных профилактических стратегий, ориентированных на внутренние и региональные ресурсы. С учётом глобального кризиса нормативных подходов к противодействию экстремизму возникает

необходимость разработки национальной модели профилактики, основанной на синергии усилий государства, гражданского общества и международных партнёров. Прогнозные сценарии свидетельствуют о вероятности нарастания рисков социальной фрагментации и трансграничной радикализации в случае сохранения текущих тенденций. Следовательно, приоритетными задачами становятся формирование устойчивых локальных сообществ, разработка контрнарративов и институционализация механизмов раннего предупреждения, что позволит минимизировать угрозу распространения насильственного экстремизма в долгосрочной перспективе.

Литература

Asia-Plus. (2018). В колонии в Худжанде заключенные подняли бунт // Asia-Plus. 8 ноября.

(<https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/incidents/20181108/v-kolonii-strogogo-rezhima-hudzhand-a-zaklyuchennye-podnyali-bunt>).

Asia-Plus. (2019). В бунте в колонии в Вахдате убиты три сотрудника этого учреждения // Asia-Plus. 20 мая.

(<https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/incidents/20190520/v-bunte-v-kolonii-v-vahdate-ubity-tri-sotrudnika-etogo-uchrezhdeniya>).

Ayzirek I., Sorvyonkov V. (2024). Anti-migration wave hits Central Asian guest workers following Moscow terrorism attack // Eurasianet. 11 апреля. (<https://eurasianet.org/anti-migration-wave-hits-central-asian-guest-workers-following-moscow-terrorism-attack>).

Moghaddam F.M. (2005). The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration // American Psychologist, Vol. 60, №2, (p. 161–169).

Republic.ru. (2024). «Очень примитивная мотивация: еда, секс, власть». Интервью с таджикским экспертом Рустамом Азизи о «ИГ-Хорасан» // Republic.ru. 13 апреля.

(<https://republic.ru/posts/112114>).

The Daily Telegraph. (2024). Hardened jihadists or guns for hire? The answer may lie in the hills of Tajikistan // The Daily Telegraph. 24 июля. (<https://www.telegraph.co.uk/world-news/2024/07/21/jihadists-guns-attack-tajikistan-moscow-russia-prisoners/>).

Tobin B., Roggio A. (2022). Tajik terrorist serves as Taliban commander in northern Afghanistan // Long War Journal. 25 мая. (<https://www.longwarjournal.org/archives/2022/05/tajik-terrorist-serves-as-taliban-commander-in-northern-afghanistan.php>).

Webber L., Smith P. (2024). Iran attack signals growing Central Asian role in ISKP's external ops // Eurasianet. 10 января. (<https://eurasianet.org/iran-attack-signals-growing-central-asian-role-in-iskps-external-ops>).

World Bank. (2019/2020). Strengthening Youth Resilience to Radicalization: Evidence from Tajikistan. (<https://documents1.worldbank.org>).

Азизи Р., Карыбаева М., Коротенко В., Кириленко А., Назаров Р., Фукалов И. (2022). Факторы уязвимости и устойчивости молодежи Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана к рискам радикализации и экстремизма. Бишкек: PEACE4CentralAsia. (97 с.). (<https://peace4centralasia.org/wp-content/uploads/2022/11/factory-uyazvimosti-i-ustojchivosti-molodezhi-1.pdf>).

Азизи Р.А. (2024). Подход и опыт Таджикистана в противодействии экстремизму и терроризму: анализ Национальной стратегии и плана действий // Известия Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова АН РТ, №3, (с. 81–87).

Лемон Э. (2018). Об угрозах терроризма в Центральной Азии и за ее пределами // САА Network. 5 ноября. (<https://www.caa-network.org/archives/14501>).

План действий по реализации Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы. (2021). Приложение 2 к Указу Президента Республики Таджикистан от 1 июня 2021 года №187.

Рахмон Э. (2024). Выступление на церемонии открытия Международной конференции высокого уровня на тему «Противостояние терроризму и насильственному экстремизму» // vkh.tj. (<https://vkh.tj/ru/main/view/3224/vystuplenie-na-tseremonii-otkrytiya-mezhdunarodnoi-konferentsii-vysokogo-urovnya-na-temu-protivostoyanie-terrorizmu-i-nasilstvennomu-ekstremizmu>).

Рахмон Э. (2024). Выступление Президента Республики Таджикистан на встрече с активом общественности и религиозными

деятелями страны // president.tj. 9 марта.
(<https://www.president.tj/event/speeches/37146>).

Тихие атаки ИГИЛ: от Ирана до Таджикистана и России.
(2024). // Сангар. 14 марта. (<https://sangar.info/n/l/amaloti-khom-shidoish-az-eronu-turkiya-to-to-ikistonu-rusiya-2>).